

Наказание?

Память — совсем свежая — вернулась мгновенно.

На острове Ду, в комнате Гуань Хэна, в тёплых отблесках камина. Гуань Хэн потребовал, чтобы Нин Цюянь повторил его слова.

Тогда он ясно дал понять: следующего раза быть не должно. Иначе — наказание, о котором лучше не знать.

Между ними был уговор.

Только сейчас Нин Цюянь осознал с запозданием: сегодня он нарушил всё.

Не ответил на звонок Гуань Хэна, не ответил на сообщение, выключил телефон. И — самое главное — не послушался и не поехал домой. Обстоятельства, конечно, были не в его власти, но ошибка началась в тот момент, когда он сел в машину к Рэю.

Непонятно почему, но эти слова Гуань Хэна на мгновение выдернули его из ужаса пережитого.

Перевернутый мир всё ещё содрогался, неведомое существо всё ещё дёргало нервы, — но сейчас он уже не мог думать об этом целиком.

Словно для Гуань Хэна всё произошедшее не стоило такого переполоха.

Даже если Нин Цюянь узнал их тайну — ситуация оставалась под контролем.

Лу Цяньцюэ забрал у него телефон, обменялся с Гуань Хэном ещё несколькими фразами и повесил трубку.

Потом повернулся к нему:

— Вставай. Собирай вещи. Мы уезжаем прямо сейчас.

Он говорил так, будто приглашал прогуляться по магазинам, — совершенно буднично, как всегда. Нин Цюянь в очередной раз засомневался: может, сегодняшний день ему приснился и ничего не произошло?

Он повёл глазами и вяло спросил:

— Куда?

Но Лу Цяньцюэ разбил его последнюю иллюзию:

— Куда-куда. Спасать тебе жизнь, конечно.

Нин Цюянь лежал на диване, не двигаясь. Он не понял.

Тогда Лу Цяньцюэ объяснил яснее:

— Та тварь сбежала, верно?

Нин Цюяня передёрнуло.

Теперь он окончательно убедился: Лу Цяньцюэ знал обо всех его перемещениях — где он был, что видел, — и ничуть этому не удивлялся.

А значит, Лу Цяньцюэ — как он и предполагал — существо той же природы.

Они знали, что он раскрыл их секрет.

— Интеллекта у неё почти нет, — продолжил Лу Цяньцюэ. — Но убить может запросто. Она очень живучая и очень злопамятная. Она тебя видела. Учужала твой запах. Здесь ты в опасности.

— Я могу вызвать полицию, — настороженно сказал Нин Цюянь.

Лу Цяньцюэ не выдержал и усмехнулся. Потом стёр улыбку.

В свете лампы его кожа отливала холодом. Лицо стало серьёзным.

— К сожалению, полиция с таким не справится. — Он смотрел на Нин Цюяня прямо. — Как волк запоминает того, кто ставил капкан, так и она запомнила каждого, кто причинил ей боль. Включая свидетелей. Я, конечно, могу тебя защитить — но я не знаю, где она, когда нападёт, и не могу быть рядом двадцать четыре часа в сутки.

Заметив, как изменилось его лицо, Лу Цяньцюэ добавил:

— Поэтому мне нужно увезти тебя. По распоряжению господина — немедленно на остров Ду.

Нин Цюянь: «...»

Ему казалось, что степень опасности по обе стороны примерно одинакова.

Лу Цяньцюэ тем временем встал и обошёл квартиру, что-то ища.

Вскоре он снял с крючка за дверью пальто и бросил Нин Цюяню:

— Переоденься, чтобы сбить запах. И за мной. Немедленно.

Нин Цюянь осознал серьёзность ситуации и сел.

Он вспомнил всех, кто присутствовал сегодня. Если вычесть одного погибшего и одного раненого — оставались ещё три жизни.

— А Рэй? А остальные? — торопливо спросил он. — За ними тоже будет охотиться?

— Ты ещё о других беспокоишься, — совершенно бесчувственно ответил Лу Цяньцюэ. — Разумеется, будет. Или ты думаешь, она выбирает только таких симпатичных?

Нин Цюяню было не до шуток:

— Я хочу их предупредить.

— Прости, но я отвечаю только за твою безопасность. Если твоего друга сегодня ночью загрызут — мне придётся разве что послать кого-нибудь... убрать за ним, — произнёс Лу Цяньцюэ.

— Убрать?

— Убить. Расчленить. Скормить собакам. Как угодно — лишь бы замести следы.

Рэй и остальные не были друзьями Нин Цюяня, и он не горел желанием с ними якшаться. Но от слов Лу Цяньцюэ его пробрало до костей.

При всей своей шутливости Лу Цяньцюэ всегда казался Нин Цюяню отзывчивым и мягким.

Но сейчас он вдруг понял, что видит настоящего Лу Цяньцюэ — впервые.

Манеры — по-прежнему безупречны, жесты — элегантны. Но за лёгкостью, с которой он говорил такие вещи, проступало ледяное безразличие к чужой жизни. Особенно — к жизни тех, кто им не нравился.

Как он раньше этого не замечал?

— Я всё-таки хочу позвонить в полицию... — Нин Цюянь не мог просто отвернуться. — Они ведь всё равно наворотили достаточно, чтобы задержаться на несколько дней. А за это время, может, удастся...

— Нельзя, — отрезал Лу Цяньцюэ. — Я уже сказал: полиция Утуна с этим не справится.

Нин Цюянь инстинктивно выпалил:

— А если спросить господина Гуаня...

— Это и есть мнение господина. Я лишь передаю. — Лу Цяньцюэ смотрел ему в глаза. — Будь моя воля — я бы прямо сейчас пошёл и перегрыз им всем глотки.

Перегрыз глотки.

Лу Цяньцюэ ни разу не назвал себя открыто. Но эта фраза звучала как признание.

А Нин Цюянь был достаточно умён, чтобы после неё замолчать.

Когда они вышли, было лишь часов семь-восемь вечера; во дворе ещё ходили люди. Сосед поздоровался с Нин Цюянем, спросил, не друг ли это с ним. Нин Цюянь был настолько не в себе, что не помнил, ответил ли вообще.

Они прошли под голыми платанами, по истоптанному снегу. Два ряда следов — обычных, человеческих. На вид — никакой разницы.

Ветер — порыв за порывом.

Нин Цюянь сжимался от холода, едва не скрючившись.

Лу Цяньцюэ шёл в одном костюме, спина прямая — и, кажется, ни малейшего дискомфорта от ледяной стужи.

Его бесшумные, безупречные шаги — как у призрака, скользящего сквозь ночь.

Гуань Хэн производил точно такое же впечатление.

Вечно в тонкой одежде. Босиком по снегу. Камин в доме — лишь декорация, не дающая тепла.

Они приходили с ночью и уходили с ночью.

Одного рода.

У кустов Лу Цяньцюэ столкнулся нос к носу с рыжим котом.

Лу Цяньцюэ только остановился и посмотрел на него сверху вниз — и кот вздыбил шерсть, из горла вырвался утробный, полный ужаса вой. Он попятился.

Этот бродячий кот, которого подкармливал весь двор, всегда шёл к людям сам. Нин Цюянь впервые видел его в таком состоянии.

Даже кошка отличала нечеловеческое. А он — нет.

Лу Цяньцюэ издал негромкий, низкий рык — и кот мгновенно юркнул в кусты.

Нин Цюянь на секунду подумал: пока Лу Цяньцюэ отвлёкся на кота — может, убежать?

— Мелочь какая, — безразлично бросил Лу Цяньцюэ. А потом, словно ничего не заметив, обернулся: — Сюда.

Его машина стояла на тихой улочке.

Чёрный седан с безупречным лаком — настолько дорогой, что прохожие оборачивались.

Водитель вышел открыть дверцу. Обратился к Лу Цяньцюэ: «Молодой господин» — с тем характерным, слегка старомодным ощущением.

Лу Цяньцюэ галантно пропустил Нин Цюяня первым — как джентльмен из другого века.

Они сели. Машина рванула прочь из города.

Ночной Утун был шумен и ярк: неон всех цветов отражался в лужах и витринах.

На дорогах пробки — вечерний поток тянулся домой.

Огни, тающая панорама за стеклом. Лу Цяньцюэ сидел слева, повернул голову:

— Щеночек, на что ты смотришь?

Нин Цюянь торопливо отвёл взгляд.

Он пытался разглядеть, дышит ли Лу Цяньцюэ.

Честно говоря, из-за движения машины ему было не определить.

По легендам, у них нет ни дыхания, ни сердцебиения. Они бессмертны — потому что уже мертвы.

Нин Цюянь пытался это проверить, но безуспешно.

С момента посадки он украдкой наблюдал и за Лу Цяньцюэ, и за водителем. Установил лишь одно: Лу Цяньцюэ мог очень долго сидеть в одной позе, очень долго не моргать и всегда сохранял безупречную осанку — без суеты, без спешки.

Гуань Хэн был другим. Гораздо более ленивым.

— Что тебя тревожит? — Лу Цяньцюэ не стал разоблачать его наблюдения, а просто переформулировал. — Расскажи.

Нин Цюянь подумал и спросил:

— Меня убьют?

Пока он жив, этому должна быть причина.

Когда причина исчезнет — он умрёт.

— С чего ты взял? — Лу Цяньцюэ приподнял бровь, удивлённый его прямотой. — Нет. Ты не умрёшь.

Нин Цюянь не понимал.

— Ты даже не представляешь, насколько ты ценен, — сказал Лу Цяньцюэ. — Господин искал очень долго, прежде чем нашёл тебя — именно такого. Он не позволит тебе умереть.

Нин Цюянь невольно поджал пальцы:

— Долго искал?

— Много лет.

Нин Цюянь уловил подтекст:

— Сколько это — «много лет»?

— Ну... — Лу Цяньцюэ задумался, подбирая формулировку. — Скажем так: у господина эта идея появилась примерно... до моего рождения.

Тут он запнулся и с разочарованным видом добавил:

— погоди, ты ведь даже не знаешь мой день рождения.

Нин Цюянь растерялся.

— Подсказка: мой день рождения — это мой логин, — сказал Лу Цяньцюэ.

Нин Цюянь вспомнил имя аккаунта электронной почты.

Но телефона при нём не было, а логин — набор букв и цифр — он никогда не старался запомнить, тем более не связывал с чьей-то датой рождения.

— Ладно, не рассчитываю, что вспомнишь, — махнул рукой Лу Цяньцюэ. — Но в следующий раз, когда увидишь, — запомни. И не забудь подготовить мне подарок.

Нин Цюянь не мог ему ответить: он пока не понимал даже собственного положения.

Лу Цяньцюэ сказал это между делом и не настаивал.

Гораздо позже Нин Цюянь задал другой вопрос:

— Почему господин Гуань искал именно меня? Из-за группы крови? У меня отрицательный

резус — это поэтому?

Лу Цяньцюэ по привычке подмигнул:

— Это тебе лучше спросить у господина лично. Я не уверен, что мне можно говорить.

В машине снова стало тихо.

Нин Цюянь подтянул ноги, обнял колени и смотрел в окно.

Город уходил. Машина пронеслась по сверкающему мосту, мимо тёмных горбов холмов — увозя его в неизвестность.

Через час или два Лу Цяньцюэ разбудил его.

Измотанный до предела, Нин Цюянь ухитрился уснуть даже в таких обстоятельствах.

Открыв глаза, он обнаружил на себе плед — Лу Цяньцюэ укрыл его. Видимо, боялся, что тот замёрзнет насмерть.

В воздухе за дверцей пахло солью и морем. Тёмные очертания вокруг казались знакомыми.

Холодный ветер немного привёл его в чувство. Он узнал пирс острова Ду.

Лу Цяньцюэ аккуратно, как маленькому зверьку, подтянул на нём плед:

— Отправляйся на остров. Увидимся через несколько дней.

Морской ветер бил в лицо так, что трудно было открыть глаза. Нин Цюянь машинально спросил:

— А ты?

Лу Цяньцюэ потрепал его по волосам:

— Глупыш. Мы никогда не плаваем на кораблях.

Почему не плавают?

Нин Цюянь помнил, что Лу Цяньцюэ упоминал вертолёт.

Какая разница между кораблём и самолётом — для них?

В списке нераскрытых загадок Нин Цюяня прибавилась ещё одна строка.

— Иди, — Лу Цяньцюэ подтолкнул его. — И води себя хорошо. Господина легко задобрить, если ты послушный. Себе же меньше достанется, понял?

На пирсе Нин Цюянь поднялся на знакомый белый корабль. На палубе ждал дядя Пин.

Дядя Пин вежливо поздоровался с Лу Цяньцюэ — тоже назвал «молодым господином Лу».

Лу Цяньцюэ ответил учтиво:

— Так поздно, простите за беспокойство.

— Это мой долг, — сказал дядя Пин.

Ночное море прорезал только их корабль.

В небе висел тонкий серп луны, высвечивая силуэты волн.

Нин Цюянь сидел в каюте, уставившись в пустоту.

Возможно, из-за того, как обошёлся с ним Лу Цяньцюэ, — на этот раз дядя Пин принёс два стакана горячей воды. Один протянул Нин Цюяню, другой оставил себе.

Нин Цюянь просто сидел. Пить не стал.

Дядя Пин отхлебнул из своего стакана:

— Не смотри так. Я — такой же человек, как ты. И уж точно тебе не враг.

Нин Цюянь моргнул. Конечно — дядя Пин тоже знал тайну острова.

Он поднял свой стакан и обхватил его обеими руками. Молча.

С момента посадки его не отпускал озноб. Плед не помогал. Тёплая вода дала лишь крохотное

утешение.

— Когда ты впервые поднялся на борт, я был уверен, что ты знаешь, куда едешь, — сказал дядя Пин. — Не скажешь, что молод, — а характер уже ого-го.

Лу Цяньцюэ в самом начале говорил то же самое — что Нин Цюянь простодушен.

Нин Цюянь с горькой досадой подумал: наверное, все вокруг считают его либо отчаянным, либо дурачком.

— Ты не такой, как другие, — добавил дядя Пин, словно разговаривая сам с собой. — За столько лет господин впервые распорядился выйти в море ночью.

С этими словами он поднялся и вышел из каюты.

Впервые — ночью.

Нин Цюянь тоже впервые оказался на острове так поздно. Впервые плыл по ночному морю. Детская травма от перевернувшейся лодки, помноженная на ночное плавание, должна была привести его в ужас, — но он уже забыл об этом. Потому что всё это не шло ни в какое сравнение с пережитым за день.

Он то беспорядочно думал, знают ли остальные на острове правду — или они, как и он, просто работают, ни о чём не подозревая. То гадал, пойдёт ли существо мстить Рэю и остальным. И что на самом деле сделает Лу Цяньцюэ.

За чёрно-синим простором моря будущее было непроницаемым.

Мысли тянули на дно, как тяжёлая вода. Нин Цюянь задыхался.

Белый корабль причалил к острову Ду ближе к полуночи.

Ступив на берег, Нин Цюянь вдруг осознал: он никому не сообщил, что едет сюда.

Если он погибнет — Су Цзяньчжоу, пожалуй, узнает об этом, когда на его могиле уже вырастет трава.

Мрачно подумал: остров Ду может стать его последней остановкой.

Глубокой ночью дядю Кана подняли с постели.

Он встретил Нин Цюня в плотной пижаме и выглядел гораздо старше, чем обычно — в костюме и при галстуке. Настоящий старик за семьдесят.

— Мальчик мой, опять встретились, — сказал дядя Кан. — На этот раз укачало?

Нин Цюянь покачал головой.

Видя, как он молчит, дядя Кан взял его за руку. Ладонь старика была тёплой.

— Господин предупредил, что ты приедешь. Я думаю, у тебя сегодня что-то случилось. Тяжёлый день, правда?

У Нин Цюня вдруг защипало в глазах.

Забота дяди Кана была настоящей. И от этого страх перед островом таял ещё немного. Остров Ду оставался островом Ду — он, казалось, не изменится оттого, что Нин Цюянь узнал правду.

Он снова сел в машину.

Каждый приезд — одна и та же цепочка пересадок: машина, корабль, машина.

Но чем ближе они подъезжали к особняку, тем больше он думал о наказании Гуань Хэна.

Он понятия не имел, что это будет. Потому, когда дядя Кан привёз его не к дому, а на ферму, — он опешил.

Вокруг — чернота. Только лунный свет на верхушках пихт и пятна снега.

Они вышли, прошли мимо бревенчатой ограды.

Скотина была в стойлах, площадка — пуста.

Гуань Цзымин стоял под фонарём — мрачный, как обычно. Увидев дядю Кана, кивнул:

— Дедушка Кан.

Нин Цюянь ещё не разобрался в происходящем, когда дядя Кан похлопал его по плечу:

— Сяо Нин, ступай.

В эту секунду Нин Цюянь решил: его сослали на ферму за провинность. Облегчение — и тут же ощущение, что что-то не так.

Гуань Цзымин тоже был явно разбужен — сонные глаза, и даже привычная холодная маска слегка поплыла.

Гуань Цзымин, как всегда, не отличался разговорчивостью. Нин Цюянь — с хаосом в голове и камнем на сердце.

Два молодых парня молча вошли на территорию фермы.

Нин Цюянь попытался завести разговор:

— Так поздно... Ты уже спал?

— Угу.

Не спросил, зачем Нин Цюянь здесь среди ночи. Не объяснил, что тому предстоит.

Нин Цюянь знал, что характер у Гуань Цзымина скверный, и нерешительно уточнил:

— А где мне спать?

Может, ему повезёт, и на ферме, как в главном доме, у каждого будет отдельная комната?

Гуань Цзымин бросил на него взгляд и холодно обронил:

— Сначала за мной.

Нин Цюянь последовал за ним в овчарню.

Стоило зажечь свет, как мирно спавшие овцы заблеяли.

Запах здесь стоял не из приятных. Нин Цюянь не морщился, только оглядывался: нет ли тут поблизости чего-нибудь, на чём можно спать.

Гуань Цзымин без лишних слов нырнул в гущу овец. Те разбежались, сталкиваясь друг с другом, — живая, настоящая суeta.

Нин Цюянь смотрел на это, и в нём вдруг произошёл сдвиг — восприятие реальности качнулось. Он невольно усомнился: тот мир, в котором он находится, — мир, где нелюди сосуществуют с людьми, — это его фантазия или правда?

Нин Цюянь тупо стоял, завернувшись в плед. Гуань Цзымин не обращал на него внимания — видимо, решил, что тот боится наступить в навоз и брезгует вонью.

Когда Гуань Цзымин только появился здесь, он тоже так реагировал. Но теперь — привык.

Нагнувшись, он порылся в овечьей массе и без особых усилий выудил ягнёнка — белоснежного. Держал его за все четыре ноги — как пастух из кино.

Они вышли из овчарни. Нин Цюянь не понимал, зачем ему ягнёнок. По дороге он успел порадоваться: по крайней мере спать здесь ему не придётся.

Потом они вошли в бойню.

Здесь всё было убрано. На стене не висела туша. На полу — ни капли крови.

Гуань Цзымин поставил ягнёнка на пол. Тот жалобно заблеял — беспомощный, крошечный.

Гуань Цзымин развернулся, нашёл длинный остроконечный нож и вложил его Нин Цюяню в руку. Потом притащил из угла чистое ведро и поставил перед ним:

— Зарежь его.

У Нин Цюяня задёргалось веко. Он едва не выронил нож:

— Зачем?!

— Если боишься, что будет дёргаться, — привяжи к разделочному столу. — Гуань Цзымин поднял нож и снова сунул ему в руку, — бесстрастно, без тени эмоций. — Воткни прямо в горло. Быстро. Когда закончишь — выходи.

Привязать к столу. Вспороть горло.

Точь-в-точь то, что он видел сегодня.

Ладони Нин Цюяня покрылись холодным потом. Лезвие слепило снежным блеском.

Увидев, что тот застыл, Гуань Цзымин безразлично бросил:

— Тебе сколько лет? Барана зарезать — и то не можешь?

Нин Цюянь стоял, оцепенев.

У двери Гуань Цзымин напомнил:

— Кровь — сразу в ведро. Господин любит тёплую. И чистую. Не тяни и не запачкай.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок.

Гуань Хэн любит тёплую, чистую... кровь.

Нин Цюянь замер. В голове — пустота.

Айсберг едва показал верхушку, а его уже затягивало под воду.

Но очень скоро — хаотично, рвано — перед глазами возникли другие картины: Гуань Хэн, терпеливо учащий его собирать пазл. Гуань Хэн, слушающий его гитару. Гуань Хэн в машине, по дороге от маяка, говорящий: «Молодец».

Новогодний подарок. Записка красивым почерком.

За три месяца — три встречи. И между ними оказалось куда больше, чем он мог вообразить.

Но он не забыл и причину, по которой оказался на острове. И тот укус на шее, не дававший ему спать.

Он уткнулся лбом в колени. Перед мысленным взором наконец всплыла та самая картина: Гуань Хэн с бокалом в руке, неспешно пригубливающий ярко-красную жидкость.

В эту секунду он наконец взглянул правде в лицо.

Гуань Хэн — действительно и безоговорочно — не человек.

Минуты тянулись. Нин Цюянь думал долго — и так ничего и не решил.

Зарезать ягнёнка, спустить кровь — тогда его выпустят.

Зачем Гуань Хэн назначил ему именно такое наказание?

Он взрослый мужчина. Убить ягнёнка — не подвиг. Но каждый раз, когда он собирался с духом, перед глазами вставало: нож вспарывает щёку «чудовища» — и то, как Гуань Цзымин велел привязать ягнёнка к столу. Одно и то же.

К горлу подкатывала тошнота.

Ягнёнок ел сено с пола.

Проведя столько времени рядом с палачом, он уже перестал бояться. О нависшей опасности не подозревал. Челюсти двигались мерно, ритмично — такой же милый, каким запомнил его Нин Цюянь.

Доев, ягнёнок моргнул и улёгся в углу, собираясь спать.

Глухая ночь.

Весь остров Ду — в такой же тишине.

Нин Цюянь не мог решить эту задачу. Не мог поднять руку.

Он ни разу в жизни не убил даже рыбу. Откуда ему резать барана?

— Подними нож.

Целый день без еды: желудок скручивало, в голове плыло. Услышав голос, Нин Цюянь решил, что это галлюцинация.

Но тут же кто-то подхватил его сзади.

— Ты потратил слишком много времени, — произнёс тот, кто стоял за ним. Правую руку Нин Цюяня перехватили, и у самого уха прозвучал знакомый, холодный голос: — Сильный пожирает слабого. Всего лишь закон природы.

Предрассветный час — самое тёмное время суток.

Лесной ветер просочился сквозь щели в досках.

Гуань Хэн появился так же, как этот ветер — бесшумно, ниоткуда.

Возможно, он был здесь всё время. Прятался в темноте, наблюдая за этой борьбой и этой слабостью.

Нин Цюянь чувствовал рукоять ножа в своей ладони — и свою руку, сжатую рукой Гуань Хэна. Он дрожал, но Гуань Хэн, похоже, не собирался прекращать наказание.

— В наших глазах между людьми и этим ягнёнком нет разницы, — сказал Гуань Хэн. — Убить вас — проще простого.

Он говорил медленно, отчётливо — прямо за спиной Нин Цюяня:

— Когда охотник вонзает клыки в сонную артерию и впрыскивает яд — через две секунды жертва теряет сознание. Если охотник не прекращает пить — через две минуты человек умирает от кровопотери.

Ладонь Гуань Хэна была холодной.

Нин Цюянь не ощущал его дыхания. Но шею покрыли мурашки, сердце колотилось, он не мог совладать с собственным дыханием.

Если Гуань Хэн укусит — он тоже умрёт беззвучно?

Лампа под потолком бойни горела ярко.

Но Нин Цюяню казалось, что всё размыто — он ничего не видел.

Атмосфера — зловещая.

Голос Гуань Хэна продолжал вливаться ему в уши:

— С заражёнными всё ещё страшнее.

— После попадания яда начинается трансформация. Но поскольку они не способны завершить её полностью, они впадают в абсолютное безумие. Ни разума, ни эмоций. Им мало крови — они пожирают плоть.

— Как правило, даже перед самыми близкими людьми они без колебания перегрызут горло и сожрут заживо. Гораздо легче, чем тебе — зарезать ягнёнка.

По щекам покатались слёзы.

Нин Цюяню было невыносимо стыдно, но Гуань Хэн был по-настоящему страшен.

Наконец он понял: все те грани Гуань Хэна — благородного, мягкого, элегантного — не были настоящим Гуань Хэном.

Он — именно то, чем сам себя описал: кровожадный демон в человеческой оболочке, притворяющийся одним из них, чтобы медленно убить свою добычу.

Между ними никогда не было ничего романтического. Только кормление охотником своей жертвы.

Никогда ещё Нин Цюянь не видел реальность так ясно.

— Если бы ты не ушёл вовремя — вот что тебя ждало бы.

Лёд в голосе исчез.

Гуань Хэн произнёс это так, словно указывал на неправильно поставленный кусочек пазла.

— Один убит. Один тяжело ранен. — Гуань Хэн помолчал. — Сегодня ночью оно бежит в город. Сколько ещё людей погибнет — неизвестно.

Нин Цюянь открыл глаза.

Ветер проникал сквозь щели, раскачивая лампу. Он оцепенело смотрел на пляшущие по полу тени.

Одна тень — высокая, другая — пониже. Лампа отбрасывала их резко, контурно. Гуань Хэн стоял прямо за ним. Нин Цюянь словно лежал в его объятиях — с жестоким ножом в руке.

— Испугался? — спросил Гуань Хэн.

— ... — Нин Цюянь не видел его лица, но дрожь в теле заметно утихла. — Откуда вы всё это знаете?

— Когда ты не отвечал на звонок, — Гуань Хэн не стал отвечать на вопрос и сказал другое, — я уже готовился забирать твоё тело. Лу Цяньцюэ привёз врача. Я попросил их подумать, как зашить тебе шею, чтобы выглядело... не слишком уродливо.

Чёрный юмор — совсем не смешной.

Нин Цюяня снова передёрнуло. Запоздалый страх — за то, что не послушался и не поехал домой.

Он понятия не имел, с чем столкнулся. Любопытство перевесило всё — и теперь он выглядел импульсивным дураком.

Но когда он узнал, что есть шанс разгадать тайну Гуань Хэна, — искушение было слишком велико.

А Гуань Хэн по-своему показывал ему, насколько это опасно.

— Простите, — тихо сказал Нин Цюянь.

Гуань Хэн не ответил. Может быть, извинение его не устроило.

Они стояли в тишине.

Как сама эта тихая ночь.

Вдруг ягнёнок нарушил молчание:

— Ме-е-е!

Через несколько секунд Гуань Хэн спросил:

— Куда ударить, чтобы не было больно, — я могу показать.

И тут же ровным тоном констатировал:

— Но мне нож не нужен.

Нин Цюянь замер — и снова задрожал.

— Если не хочешь, чтобы я сделал это сам — действуй, — в голосе не было и намёка на уступку. — Две минуты. Я жду снаружи.

Тепло за спиной пропало, руку отпустили. Гуань Хэн в одно мгновение отделился от него —

словно его никогда здесь не было.

В боине остался один Нин Цюянь.

— Ме-е-е! — Ягнёнок начал тревожно блеять.

Когда разум немного прояснился, Нин Цюянь увидел сквозь щели в стене, что небо за окном посветлело.

Он отбросил нож и сел на пол. Руки были в крови.

Оказалось — не так уж и трудно.

Нин Цюянь не замечал, что его собственное тело холодно как лёд и трясётся мелкой дрожью — признаки тяжёлой гипогликемии. Он чувствовал лишь слабость и полное изнеможение — и медленно лёг на бетонный пол.

Он глотал воздух; густой запах крови заполнял ноздри. Подташнивало.

Сквозь расплывающийся мир он увидел, как открылась дверь и кто-то вошёл.

Тело стало невесомым: Нин Цюяня подняли на руки.

Он напряг зрение — и наконец разглядел лицо Гуань Хэна. И тёмные глаза, в которых медленно расплзлось кольцо глубокого красного.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. Нин Цюянь отвёл взгляд первым.

Когда они проходили мимо белого комочка на полу — тельца ягнёнка, — он уткнулся лицом в грудь Гуань Хэна и вцепился в его одежду.

Холодные длинные волосы Гуань Хэна легли ему на щёку — как утренний ветер снаружи.

Рассвет не наступил. Всё ещё стоял туман.

На деревьях, на земле — тяжёлая, влажная дымка.

У машины кто-то стоял. Нин Цюянь не мог разглядеть — кто.

На этот раз Гуань Хэн не похвалил его. Сказал лишь:

— Если в следующий раз ты окажешься в подобной ситуации — или встретишь кого-то, кроме нас, — не останавливайся. Беги со всей скоростью, на которую способен.

— Я хочу пить, — выдавил Нин Цюянь.

И услышал, как Гуань Хэн чуть отстранённо распорядился:

— Сахарную воду.

Кажется, он на мгновение потерял сознание.

Когда открыл глаза — над ним было стекло автомобильного люка. И чёрные силуэты ветвей, уплывающие назад.

Во рту — сладко.

Нин Цюянь опустил взгляд: рука Гуань Хэна лежала у него на животе, мягко придерживая одежду.

Красивая рука. Чёткие суставы, матовые кончики пальцев. Безукоризненно чистая — ни пылинки.

А в его собственной руке — бутылка с трубочкой. Трубочку, видимо, вставил ему Гуань Хэн. Нин Цюянь машинально тянул сладкую жидкость — заранее приготовленную сахарную воду. Головокружение от низкого сахара немного отступило.

Увидев засохшую кровь между своими пальцами, он снова закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/17881/1710964>